

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ХРОНОТОП И КАРНАВАЛ В РОМАНЕ ПЕРА ЛАГЕРКВИСТА «ВАРАВВА»

© 2021 Е.Н. Корнилова

*Корнилова Елена Николаевна, доктор филологических наук,
профессор факультета журналистики*

E-mail: ekornilova@mail.ru

**Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Москва, Россия**

Статья поступила в редакцию 31.07.2021

Предмет статьи: анализ романа Нобелевского лауреата П. Лагерквиста «Варавва» с применением научных идей М.М. Бахтина. Объект статьи: исследование особенностей хронотопа в реконструкции евангельского сюжета романа и выявление черт карнавальской культуры в воссоздании центрального образа Вараввы. Цель проекта: показать, как идеи М.М. Бахтина помогают глубже проникнуть в суть замысла художника и выявить глубинные, символические смыслы литературного произведения, которые даже не всегда осознаются самим писателем. Методология работы: вслед за Бахтиным используются сравнительно-исторический и структуралистский подходы, а также мифокритика, юнгианская архетипическая модель трикстера. Результаты работы: в «библейском» романе П. Лагерквист использует «исповедальный» хронотоп, характерный для большинства его фантазий на библейские и евангельские сюжеты. Вся жизнь Вараввы, каждый эпизод его биографии соотнесен героем и автором с событиями на Голгофе. Варавва – демонический, «темный» двойник Христа, трикстер во всех своих телесных и нравственных проявлениях. Он всю жизнь ищет Бога, но чудеса, свидетелем которых он являлся, его не убеждают. Желание обрести веру и общность с христианами приводит его в конце концов к смерти на кресте, которой он избежал в Святую пятницу. Но его устремления наносят только вред христианам, а вера так и не рождается в его душе. Область применения результатов: созданный Лагерквистом образ выпадает из исторического контекста романа. Варавва не атеист, он агностик, ищущий веру и не находящий ее. Это позиция человека XX в., да еще и достаточно образованного. Лагерквист в своей мифопоэтической притче решает проблемы человека XX в. и ищет ответы на свои собственные экзистенциальные вопросы. Говоря словами Бахтина: «последнее слово о мире не сказано. Все еще впереди». Этот диалог заинтересовал Голливуд, где была осуществлена экранизация романа под одноименным названием. Данная работа обнажает мифологические модели, выявляет философскую и этическую проблематику романа, помогает глубже осмыслить творчество крупнейшего шведского писателя П. Лагерквиста. Вывод: научная новизна заключается в изучении творчества шведского писателя П. Лагерквиста с применением бахтинских и юнгианских методик, выявление черт архетипа трикстера в его романах. Писатель часто использует эту архетипическую модель благодаря глубокому проникновению в традиции национального фольклора и литературы и, одновременно, прекрасному чувству тенденций современности, где архетип трикстера становится все более востребованным. Выводы, представленные в статье, говорят о современном прочтении автором евангельского сюжета и постановке нравственной проблемы невозможности обретения современным человеком.

Ключевые слова: филологические теории М.М. Бахтина, формы хронотопа, П. Лагерквист, «библейский» роман, диалог культур, Варавва в Евангелиях, Варавва современный, трикстер, карнавал, площадная культура, проблема обретения веры.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-258-262

Введение. Роман Лауреата Нобелевской премии 1951 г. шведского писателя Пера Лагерквиста «Варавва» (1950) очень близок к жанру апокрифа, хотя и создан во второй половине XX в. События библейской истории становятся точкой отсчета для воображения писателя, рисующего характер и судьбу евангельского персонажа, од-

ного из участников сакральных событий, связанных с распятием и воскресением Христа.

История вопроса. Творчество Лагерквиста всегда привлекало внимание литературоведов и критиков как из Северной Европы (К. Хенмарк [10], Г. Мальмстрем [12]), так и из других стран (Р.Д. Спектор [14], В. Клаэс [9], К.В. Мурадян [6],

Д.В. Кобленкова [3], Х. Ризенфельд [13], К.Р. Андрейчук [1]). Критики стремились предложить собственные объяснения необычным символическим и одновременно взятым из общеизвестной мифологии образам романов, видя в Лагерквисте последовательно символиста, романтика, модерниста, экзистенциалиста, христианского религиозного мыслителя, реалиста, борца с тоталитарным государством, создателя собственного философски-религиозного контекста. Исследовательские приемы исторической поэтики М.М.Бахтина и традиция плутовской, то есть трикстерской литературы не была применена к исследованию романов писателя.

Методы исследования. Для анализа этого мифологического романа мы воспользуемся литературоведческим инструментарием, созданным М.М. Бахтиным в работах «Формы времени и хронотопа в романе» (1975) в части исследования пространственно-временной структуры романа, и «Творчество Франсуа Рабле и народно-смеховая культура средневековья и Ренессанса» (1990) в разделе, касающемся архетипа главного действующего лица романа Вараввы.

Результаты исследования. Хронотоп романа Лагерквиста сакрализован и имеет амбивалентную природу: с одной стороны, перед читателем развернут агиографический подход к Варавве – «темному двойнику» Христа. В тексте воссоздано «житие» Вараввы в полном объеме от зачатия безымянной рабыней, изнасилованной предводителем разбойников Елиаху, до финального распятия в Риме времен Нероновых гонений на христиан после спровоцированного императором поджога Рима. С другой стороны, центральное событие – распятие на Голгофе и смерть Христа – всплывает как лейтмотив в каждом явлении романа, поскольку автор избирает способ изложения событий в форме внутреннего монолога самого Вараввы. В основе композиции текста принцип повторяемости концептуального замысла, «развертывание по спирали» [7, с. 17]. Христианство, подобно многим предшествовавшим ему мифологиям Востока и Средиземноморья, имеет дуальный характер, и оттого мотив двойничества органично присущ воплощению верховного божества, сына небесного бога, управителя громами [5, т.1, с. 174-176].

Действительно, Лагерквист обращается к архетипу демонически-комического дублера культурного героя, наделенного чертами плута и озорника [5, т.2, с. 28]. «Они вот болтают, будто

он умер за них, вместо них. Что ж! Возможно. Но вместо Вараввы-то он умер уж точно, этого-то никто отрицать не будет! – размышляет про себя отпущенный разбойник. – И выходит, Варавва ближе ему, чем они, чем все вообще, он совсем иначе с ним связан, и они еще не подпускают к себе Варавву! Он избран, можно сказать, – избран, чтоб не страдать, чтоб избавиться от мучений. Он и есть настоящий избраннык, его отпустили вместо самого Сына Божия – тот сам так пожелал, так повелел. Просто они ничего не знают!» [4, с. 228].

Разбойник Варавва [8] – один из тех преступников, приговоренных к страшной казни через распятие на Голгофе, но освобожденный толпой, когда Пилат предложил ей выбрать, кого из узников отпустить в честь праздника. Чернь дарует свободу и жизнь Варавве, хотя он разбойник, грабитель и «убийца». Так говорит о нем ап. Петр, в книге Деяний апостолов (3:14). Вот как этот эпизод передан в Евангелие от Луки 23:13-256 «Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его;[...] и ничего не найдено в Нем достойного смерти... А ему и нужно было для праздника отпустить им одного [узника]. Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство. Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его! [...] и превозмог крик их и первосвященников. И Пилат решил быть по прошению их, и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю». И далее греческий проповедник продолжает от себя: «Но кем же был Варавва? Я расскажу вам. **Это я и вы.** В лице Вараввы предстали мы все, «что все согрешили и лишены славы Божией» (Послание к Римлянам 3:23), говорит Слово Божие. Все мы были осуждены. Все мы могли отправиться на крест. Но приходит Иисус Христос, невинный ягненок, ягненок Божий и Он занимает место Вараввы. Варавва теперь свободен. Вы и я были освобождены и теперь свободны! Вот как это описывает Слово в Послании к Ефессянам 2:1-10» [2].

Жизнеописание, домысленное Лагерквистом, внешне имеет линейную композицию, но на самом деле смерть Христа на кресте, как и в Новом

Завете – важнейшее в романе событие, к которому герой и автор возвращается на протяжении всей жизни. Варавва, не умерший в Страстную Пятницу, ритуально умирает в течение жизни несколько раз. Этот мотив назойливо повторяется в тексте: например, любовница Вараввы Толстуха рассуждает «...не диво, если Варавва кажется чудным: он так долго томился в застенке, почти что умер, ведь, раз кого приговорили к смерти, тот уже умер, и, если его потом отпустили и помиловали, он все равно умер, потому что был мертвым. И только воскрес, а это, мол, вовсе не тоже самое, что просто жить-поживать, как другие». [2, с. 209]. Не случайно отпущенный разбойник, ощущая свою связь со смертью, ищет встречи с Лазарем и пытается его о царстве мертвых. Его не волнует чудо воскрешения, а только вопрос: что там, за гранью бытия? Ему неприятен Лазарь с пустыми глазами, твердящий: «...царство мертвых – ничто. Но для того, кто там побывал, и все остальное – ничто» [4, с. 231].

Если Христос сеял жизнь и веру, то деяния Вараввы порождают только смерть без всякой веры в последующее воскрешение. Он безмолвно наблюдал казнь соблазненной им девушки – Заячьей губы – и в отместку зарезал книжника [2, с. 241]. Только после ее смерти он оказывает ей последние почести, похоронив вместе с ее умершим младенцем. Среди разбойников он – самый умный и храбрый, и успех сопутствует его затеям [4, с. 245], но его затеи сеют только смерть. Брошенный во тьму меднорудной шахты, из которой редко кто поднимался на поверхность, он заживо погребен и помещен в самый ад, поскольку «был заперт в самом себе, в своем царстве мертвых. И как из него вырваться? Единственный раз был он соединен с другим человеком. Да и то железной цепью. Только железной цепью, и больше ничем, никогда. [4, с. 275].». Он присутствует на распятии своего «брата по цепи» Саака [4, с. 268] только потому, что отрекся от веры и позволил наемнику перечеркнуть на своей бирке знак «Хи-Ро», любовно выведенный мучеником-армянином.

Смерть как будто играет с Вараввой, посылая ему испытания: в поисках веры заблудиться в римских катакомбах, попасть в тюрьму в Риме, потому что хотел помочь христианам, а сыграл на руку их врагам. Сбывается проклятие матери, умиравшей в родах с мыслью, что «он зачат и

рожден в ненависти ко всему творению на земле и на небе и к Творцу неба и земли!» [4, с. 271].

Варавва, несомненно, темный двойник, близнец Христа. Он трикстер – универсальный архетипический образ «парадоксально соединяющий черты культурного героя и эгоистичного шута» [8, с. 11]. В нем есть все трикстерские черты: похоть и обжорство, человеко- и отцеубийство, изгнанничество и предательство, грех во всем, к чему прикасался: «... молиться он не стал, он был злодей, молитвы злодеев вообще не доходят, а Вараввин грех вдобавок не был искуплен» [4, с. 208]. Трикстер, карнавальный тип, со всеми присущими карнавалу комическими и гротескными особенностями.

В конце концов Варавва умер на кресте, но не обрел веры. Ничто из виденных чудес – сияние вокруг Христа [4, с. 205], страшная мгла на Голгофе в момент смерти Спасителя, присутствие у отверзтой могилы воскресшего, беседа с Лазарем и две встречи с Петром, мученические смерти Заячьей Губы и Саака – не разрушило его сомнений. «– Мессия? Ну, нет... – бормотал он про себя. – Да какой же он мессия, – сказал один из мужчин, – ведь ка бы так, разве б его распяли? Да тогда б эти недоноски сами легли на месте. Видно, ей невдомек, что значит–мессия! – Ну ясно! Он бы сошел с креста и всех их перебил! – Что б мессию – да распяли! Слышанное ли дело? Варавва все сидел, зажав бороду в кулаке и уставясь взглядом в земляной пол. – Нет, он не мессия... Чудной, странный» [4, с. 211].

При всей точности исторических декораций, воссозданных писателем в романе, образ главного героя Вараввы выпадает из исторического контекста и непосредственно отражает нравственные искания человека XX в., потерявшегося в лабиринтах идеологий и верований и неспособный уверовать в даже лично виденное чудо:

«– А ты? Тоже веришь в этого любящего Бога? Варавва ничего не ответил. – Ну? Веришь ты или нет? Варавва покачал головой. – Нет? Так зачем же тогда ты носишь на бирке его имя? И опять промолчал Варавва. – Твой он бог или нет? Не это ли означает надпись? – У меня нет Бога, – наконец ответил Варавва [...]. – К чему же тогда «Иисус Христос» у тебя на бирке? – Потому что мне хочется верить, – отвечал Варавва, не поднимая глаз». [4, с. 265-266].

Выводы. Созданный Лагерквистом образ выпадает из исторического контекста романа. В античном мире даже среди самых образованных философов нет атеистов. Прославленный Лукиан, противопоставляющий верованиям своего времени кинизм и эпикуреизм, не был атеистом. Варавва не атеист – он агностик, ищущий веру и не находящий ее. Это позиция человека XX в., еще и достаточно образованного. Разбойник Варавва, в силу своего образовательного уровня

(даже если допустить, что он сын рабби, то есть учителя) и в силу рода занятий, мог молиться языческим богам, демонам и даже властителям преисподней, но агностиком быть не мог. Лагерквист в своей мифопоэтической притче решает проблемы человека XX в. и отвечает на свои собственные экзистенциальные вопросы. Поэтому в Голливуде была осуществлена экранизация романа под одноименным названием.

1. Андрейчук, К. Р. Философско-религиозная проблематика «Пенталогии Распятия» Пера Лагерквиста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 2017.
2. [Киоулахоглоу](http://www.bibletruths.ru/jbajulyaug2004b_ru.htm), Анастасиос. Варавва: кем он был? – URL: http://www.bibletruths.ru/jbajulyaug2004b_ru.htm (дата обращения: 03.03.2020).
3. Кобленкова, Д. В. Шведский нереалистический роман второй половины XX - начала XXI века: монография. - М.: Издательский центр РГГУ, 2016. - 447 с.
4. Лагерквист, П. Избранное: сборник. Пер. с швед. – М.: Прогресс, 1981. - 531 с.
5. Мелетинский, Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1982. –Т. 2. – С. 25 – 28.
6. Мурадян, К. Е. Основные тенденции развития шведского реалистического романа 60х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1978.
7. Неустроев, В. Художник-мыслитель // Лагерквист П. Избранное: Сборник. Пер. с швед. – М.: Прогресс, 1981. – С. 6–19.
8. Православная энциклопедия. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/154067.html> (дата обращения: 03.03.2020).
9. Claes, V. Pär Lagerkvists "Barabbas" som roman. Växjö: Lagerkvist-samfundets skriftserie, 1993. - 12 s.
10. Henmark, K. Främlingen Lagerkvist. - Stck.: Rabén & Sjögren, 1966. - 169 s.
11. Lipovetsky, M. The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture. – Boston: Academic Studies Press, 2011. - 288 p.
12. Malmström, G. Menneskehjertets verden: hovedmotiv i Pär Lagerkvists diktning. - Oslo: Gyldendal, 1970. - 277 s.
13. Riesenfeld H. Barabbas och Nya Testamenten // Synpunkter på Pär Lagerkvist / Red. av Gunnar Tidestrom. Stck.: Aldus/Bonnier, 1966. - S. 209-224. S. 209.
14. Spector, R. D. Lagerkvist and Existentialism // Scandinavian Studies, 1960, - №32. - P. 202-211.

CHRONOTOPE AND CARNIVAL IN THE NOVEL OF PER LAGERKVIST "BARABBA"

© 2021 E.N. Kornilova

Elena N. Kornilova, Doctor of Philology, Full professor

E-mail: ekornilova@mail.ru

Faculty of Journalism M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Subject of the article: analysis of the novel by Nobel laureate P. Lagerkvist "Barabbas" using the scientific ideas of M.M. Bakhtin. The object of the article: a study of the peculiarities of the chronotope in the reconstruction of the Gospel plot of the novel and the identification of the features of the carnival culture in the reconstruction of the central image of Barabbas. Purpose of the project: to show how the ideas of M.M. Bakhtin helps to penetrate deeper into the essence of the artist's intention and to reveal the deep, symbolic meanings of a literary work, which are not even always realized by the writer himself. Methodology of work: following Bakhtin, comparative historical and structuralist approaches are used, as well as mythological criticism, the Jungian archetypal trickster model. Results of the work: in the "biblical" novel, P. Lagerkvist uses a "confessional" chronotope, characteristic of most of his fantasies on biblical and evangelical subjects. The whole life of Barabbas, every episode of his biography is correlated by the hero and the author with the events on Calvary. Barabbas is a demonic, "dark" double of Christ, a trickster in all his bodily and moral manifestations. He has been looking for God all his life, but the miracles he witnessed do not convince him. The desire to gain faith and communion with Christians leads him in the end to death on the cross, which he escaped on Holy Friday. But his aspirations only harm Christians, and faith is never born in his soul. Scope of the results: the image created by

Lagerkvist falls out of the historical context of the novel. Barabbas is not an atheist, he is an agnostic seeking faith and not finding it. This is the position of a man of the twentieth century, and even a fairly educated one. Lagerkvist, in his mythopoetic parable, solves the problems of a man of the twentieth century. and looking for answers to their own existential questions. In the words of Bakhtin: "The last word about the world has not been said. Everything is still ahead". This dialogue interested Hollywood, where the film adaptation of the novel of the same name was made. This work exposes mythological models, reveals the philosophical and ethical issues of the novel, helps to better comprehend the work of the largest Swedish writer P. Lagerkvist. Conclusion: scientific novelty lies in the study of the work of the Swedish writer P. Lagerkvist using Bakhtin and Jungian techniques, identifying the features of the trickster archetype in his novels. The writer often uses this archetypal model due to his deep penetration into the traditions of national folklore and literature and, at the same time, an excellent sense of modern trends, where the trickster archetype is becoming more and more in demand. The conclusions presented in the article speak of the author's modern reading of the Gospel story and the formulation of the moral problem of the impossibility of acquiring a modern person.

Key words: philological theories of M.M. Bakhtin, forms of chronotope, P. Lagerkvist, "biblical" novel, dialogue of cultures, Barabbas in the Gospels, Barabbas modern, trickster, carnival, areal culture, the problem of gaining faith.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-258-262

1. Andreychuk, K. R. *Filosofsko-religioznaya problematika «Pentalogii Raspyatiya» Pera Lagerkvista* (Philosophical and religious problems of the "Pentalogy of the Crucifixion" by Per Lagerkvist): avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. - M., 2017.
2. Kioylaxogloy, Anastasios. *Varavva: kem on byl? (Barabbas: who was he?)* – URL: http://www.bibletruths.ru/jbajulyaug2004b_ru.htm (data obrashcheniya: 03.03.2020).
3. Koblenkova, D. V. *Shvedskiy nerealisticheskiy roman vtoroy poloviny KHKH - nachala KHKHI veka: monografiya* (Swedish unrealistic novel of the second half of the XX - early XXI century: monograph). - M.: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2016. - 447 s.
4. Lagerkvist, P. *Izbrannoye: sbornik* (Selected: collection). Per. s shved. – M.: Progress, 1981. - 531 s.
5. Meletinskiy, Ye. M. *Kul'turnyy geroy* (Cultural hero) // *Mify narodov mira*. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1982. –T. 2. – S. 25 – 28.
6. Muradyan, K. Ye. *Osnovnyye tendentsii razvitiya shvedskogo realisticheskogo romana 60kh gg.* (The main trends in the development of the Swedish realistic novel of the 60s): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. - M., 1978.
7. Neustroyev, V. *Khudozhnok-myslitel' (Artist-thinker)* // Lagerkvist P. *Izbrannoye: Sbornik*. Per. s shved. – M.: Progress, 1981. –S. 6–19.
8. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* (Orthodox encyclopedia). – URL: <http://www.pravenc.ru/text/154067.html> (data obrashcheniya: 03.03.2020).
9. Claes, V. *Pär Lagerkvists "Barabbas" som roman*. Växjö: Lagerkvist-samfundets skriftserie, 1993. - 12 s.
10. Henmark, K. *Främlingen Lagerkvist*. - Stck.: Rabén & Sjögren, 1966. - 169 s.
11. Lipovetsky, M. *The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture*. – Boston: Academic Studies Press, 2011. - 288 p.
12. Malmström, G. *Menneskehjertets verden: hovedmotiv i Pär Lagerkvists diktning*. - Oslo: Gyldendal, 1970. - 277 s.
13. Riesenfeld H. *Barabbas och Nya Testamenten* // *Synpunkter på Pär Lagerkvist* / Red. av Gunnar Tidestrom. Stck.: Aldus/Bonnier, 1966. - S. 209-224. S. 209.
14. Spector, R. D. *Lagerkvist and Existentialism* // *Scandinavian Studies*, 1960, - №32. - P. 202-211.